

© 2025 Н. Т. Энеева

Москва, Россия

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНО-БОГОСЛОВСКАЯ И НАУЧНАЯ МЫСЛЬ В ПРОТИВОСТОЯНИИ ФАШИЗМУ (ПО СТРАНИЦАМ РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ 1930-Х – НАЧАЛА 1940-Х ГОДОВ)

Аннотация. В статье анализируется реакция русской эмигрантской религиозно-философской публицистики 1930-х годов на происходившую в те годы экспансию нацистской идеологии в политическую жизнь и общественный менталитет западноевропейских стран. Отмечается категорическая непримиримость отношения русских религиозных мыслителей-эмигрантов к фашизму, а также единодушное указание ими на процессы дехристианизации и дегуманизации западноевропейской культуры Нового и Новейшего времени как на глубинную причину возникновения этого страшного явления. Подчеркивается единство христианского мира в лице представителей всех его конфессий в противостоянии нацизму и фашизму, которое акцентируется русской эмигрантской прессой. Делается вывод о вкладе русских зарубежных религиозных мыслителей в послевоенное христианское возрождение и о непреходящей значимости их духовного опыта как для современности, так и для будущей истории человечества¹.

Ключевые слова: русское зарубежье, религиозно-философская публицистика, расизм, нацизм, фашизм, дегуманизация, дехристианизация, христианская антропология.

Ссылка при цитировании: Энеева Н. Т. Русская религиозно-богословская и научная мысль в противостоянии фашизму (по страницам русской эмигрантской публицистики 1930-х – начала 1940-х годов) // Традиции и современность. 2025. № 42. С. 32–51

Энеева Наталья Тимуровна (Eneeva Natalia Timurovna) – кандидат искусствоведения, научный сотрудник Центра по изучению истории религии и Церкви Института всеобщей истории Российской академии наук, эл. почта: eneeva-nt@yandex.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2025. № 42. С. 32– 51

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 271.2+821.054.7; ББК – 86.372.246.8+83.3(2=411.2)6; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2025-42/32-51>

¹ Статья печатается в авторской редакции.

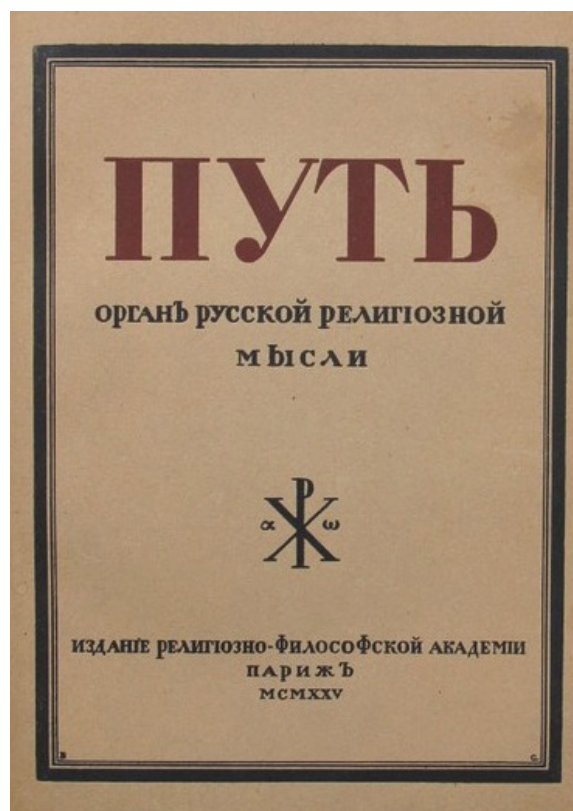
Я считаю поэтому, что о политическом движении
никогда не надо судить по тем целям, которые оно
во всеуслышание провозглашает и к которым,
возможно, даже и действительно стремится,
но всегда – только по тем средствам,
которые оно для их достижения применяет.
Вернер Гейзенберг¹

Христианам прежде всего подобает защищать правду,
а не силу, дающую возможность процветать в мире.
Н. А. Бердяев²

Лучше сдохнуть на дороге, чем стать фрицем.
В. Н. Лосский³

The question is which is to be master – that's all.
Lewis Carroll⁴

Одной из сквозных тем русского эмигрантского журнала «Путь», издававшегося Религиозно-философской академией в Париже в 1925–1940-х годах под редакцией Николая Александровича Бердяева, является осмысление нового тогда и становящегося феномена фашизма, вернее его идеологических составляющих. Тема прослеживается с конца 1920-х годов в последовательном ряде статей смежной тематики и, глядя из уже состоявшегося будущего, вполне очевидно, почему поднятые в них вопросы обсуждаются. Первоначально внимание русских эмигрантов было сосредоточено, естественно, на оставленной поневоле Родине, на ностальгии по утраченному и только теперь в полной мере оцененному духовному ее сокровищу, на причинах революционной катастрофы и на осмыслении собственного положения – долга по отношению к России и роли в окружающем мире. Но постепенно, как бы пунктиром, все более сосредотачиваясь, начинает обрисовываться новая реальность, требующая осмысления: «О свободе воли» (М. Артемьев, 1928), «Духовное состояние современного мира» (Н. А. Бердяев, 1932), «Проблема власти» (Б. П. Вышеславцев, 1934), «Кризис протестантизма в Германии» (прот. Василий Зеньковский, 1934), «Многобожие и национализм» (Н. А. Бердяев, 1934), «Церковь и национальность» (А. В. Карташев, 1934), «О мировом зле и спасающей Церкви» (прот. Сергей Четвериков, 1935), «Христианство и антисемитизм» (Н. А. Бердяев, 1938), «Расизм и западное христианство» (К. В. Мочульский, 1938–1939), «Решительный час исторической судьбы» (от Редакции журнала, сентябрь 1939), «Демонократия» (Н. Н. Алексеев, март 1940) и др. Показательно при этом, что авторы в большинстве своем начинают разговор как бы издалека, иногда очень неопределенно,

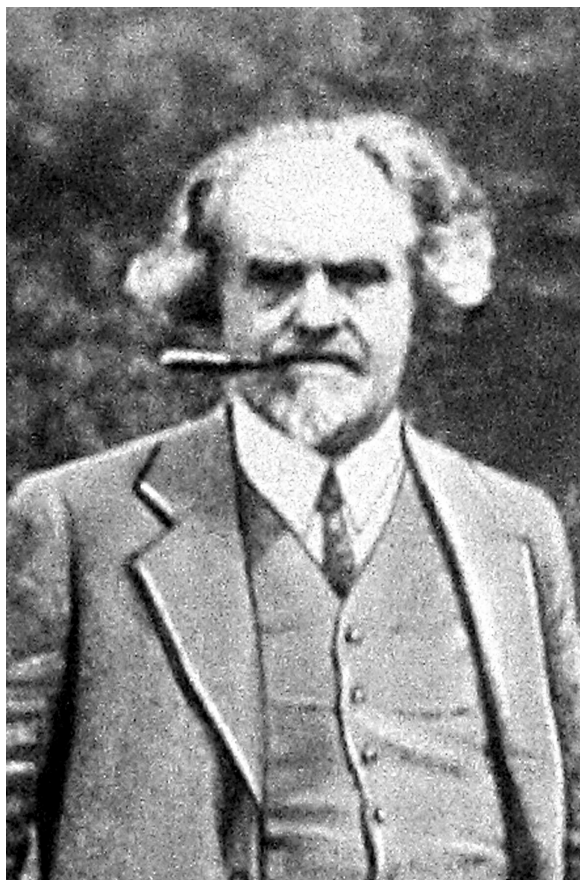

Обложка журнала «Путь»

пытаясь поставить себя и читателя перед необходимостью, что называется, вступить в диалог со временем, по возможности позитивно осмыслить его реалии, найти консенсус, укоряют себя (особенно Бердяев) в эгоистическом нежелании видеть окружающий мир и его насущные проблемы и т. п. Перед нами, далее, разворачивается живой процесс мышления, мы погружаемся в живой исторический поток не внешних, но внутренних событий: перед лицом совести и правды здесь и сейчас, на наших глазах рождаются четкие определения, которые, на самом деле, предreshают уже будущие события мировой истории, вынося приговор задолго до того, как это сделают международные военные трибуналы. Подчеркнем еще раз, это не история, написанная постфактум, с безопасной временной позиции, это живая история – последние статьи написаны уже в начале Второй мировой войны, перед лицом надвигающейся оккупации Франции нацистской Германией, то есть со смертельным риском для авторов.

Прежде всего обращает на себя внимание отмечаемая авторами «небывалость» современной им мировой обстановки и, главное, ее духовной атмосферы – такого еще не было, отмечают они. Прочерчена некая демаркационная линия, произошел

исторический слом: «Мы как бы вступили в другое измерение исторического существования», – говорится в редакционной статье журнала за 1939 г. (Редакционная статья 1939: 3)⁵. По мнению Н. А. Бердяева, высказанному им в работе 1934 г. «Судьба человека в современном мире (к пониманию нашей эпохи)»: «Мы живем в эпоху апокалиптическую... не в смысле скорого наступления конца мира. Существует внутренний апокалипсис истории... откровение о событиях внутри истории, о внутреннем суде над историей... Мир переживает сейчас агонию, напоминающую конец мира античного.

Николай Александрович Бердяев

Но положение теперь еще более тяжелое, ибо тогда христианство вошло в мир как новая молодая сила, теперь же... христиане много нагрешили... Тень легла на мир, начался цикл исторических и космических катастроф и обвалов... Внутренний Апокалипсис истории есть изобличение того, что в истории не осуществляется Царство Божие, т. е. Смысл... Если человек не хочет преступления, то он должен осуществлять Царство Божие» (Бердяев 1994: 318–324). «Суд не есть кара Божия – суд есть изживание последствий ухода от Бога» (Бердяев 1935: 32).

Вот именно в этом ракурсе – религиозном измерении смысла исторического процесса – оценивают авторы «Пути» явление фашизма и нацистской идеологии как таковой.

Глядя с этой точки зрения, первое, что становится очевидным и что русская публицистика выводит на первый план, говоря о фашизме, – это страшное явление: зло, ненависть, нелюбовь как движущий фактор политики, как ее психологическая подоснова, скрывающаяся за искусственно сочиненной «позитивной» идеологической программой в виде так называемого национализма или нацизма.

Проблема отношения церковного сознания к вопросу о значении национального начала в контексте духовной жизни обсуждалась в русской эмигрантской публицистике все 1930-е годы в связи с востребованностью национальной тематики в общественно-политической жизни того времени. Основные формулировки сходны и в изложении А. В. Карташева звучат так: «Национальное начало, как и начало индивидуальное и частное, святое начало разнообразия и Божьей красоты в этом мире⁶, как разнообразна красота цветов на поле. Церковь имела правильный инстинкт, культивируя гениальное и творческое начало национальной дифференциации» (Карташев 1934: 11). «Национальность есть одна из ступеней индивидуализации бытия и имеет бесспорную и положительную ценность. Культура всегда имеет национальный характер и национальные корни» (Бердяев 1994: 347). Однако, углубляясь в сущность феномена нацизма, русские мыслители приходят к выводу, что самая расистская, националистическая аргументация, выставляемая фашизмом в качестве идейного фундамента проводимой им политики, представляет собой, в сущности, «приисканный повод» или ширму, маску подлинной мотивации данного явления общественной жизни, а именно – **человеконенавистничества**: церковь «имеет достаточный критерий и для отмежевания себя от национализма извращенного, не вступая в союз с духовной пошлостью и тайным человеконенавистничеством...» (Карташев 1934: 11).

По словам Н. А. Бердяева, «процесс, происходящий в мире, есть... страшная опасность для самого существования человеческой личности» (Бердяев 1994: 342); «совершается великое предательство в отношении человека» (Бердяев 1994: 337); «мы присутствуем при процессе дегуманизации во всех областях культуры и общественной жизни... человек перестал быть не только высшей ценностью, но и вообще перестал быть ценностью» (Бердяев 1994: 324). Н. Н. Алексеев, ссылаясь на книгу Раушнинга «Революция нигилизма», отмечает, что «в основе национал-социализма лежит... некое предель-

Антон Владимирович Карташев

ное презрение к человеческой личности. Человека этот режим берет всегда с самой худшей стороны, со стороны его слабостей, его животной природы» (Алексеев 1940: 28). Нацистская идеология, обесценившая понятие человеческой личности как субъекта истории и объявившая главной исторической ценностью род и нацию, лишила, в рамках своей теории, исторический процесс духовной составляющей, духовного наполнения и тем самым – духовного смысла, сведя смысл истории к биологическим, видовым, родовым категориям. А. В. Карташев называет такое умозрение «зоологически антирелигиозным национализмом» (Карташев 1934: 10). «Духовно-персоналистическое понимание человека, – пишет Бердяев, – заменяется пониманием натуралистически-зоологическим. И к устройению человеческой жизни устанавливается такое же отношение, как к скотоводству» (Бердяев 1994: 346).

О том, что это так, свидетельствуют факты истории: первым объектом применения этих новых тогда для традиционно христианской Европы взглядов был в нацистской Германии собственный народ, который провозглашался целью и главной ценностью режима. Так, одним из характерных и, так сказать, знаковых и наиболее одиозных проявлений не столько идеологии, сколько «психологии» фашизма является, по определению Владимира Николаевича Лосского, «закон устранения слабых» (Лосский 1940: 15). По словам К. В. Мочульского, «за

расизмом идет его неизбежный спутник... – эвтаназия, то есть убийство тех, чья жизнь стала бесполезной или опасной, коротко говоря, все те меры так называемой социальной гигиены, которые больше напоминают питомник для разведения скота, чем человеческое сообщество» (Мочульский 1939: 30–31)⁷. Как известно, именно эта «деятельность» фашизма легла в основу отдельной статьи Нюрнбергского трибунала «Преступления против человечности» и являлась одним из главных аргументов безоговорочного и безоправдательного вычеркивания мировым сообществом самого явления фашизма из своей истории как наиболее позорного ее пятна. «Мы вступаем в бесчеловечное царство, – писал Бердяев, – царство бесчеловечности... не фактической только, которая всегда была велика, а принципиальной. Бесчеловечность стала представляться возвышенной, окруженной ореолом героизма»⁸ (Бердяев 1994: 325). «Современный национализм... требует от человека отречения от человечности» (Бердяев 1994: 248). «Нужно быть человечными, мы ведь не звери» (Лосский 1940: 15).

Причиной этого умаления понятия о человеке как таковом является, по мнению русской историософской предвоенной мысли, кризис процесса христианизации Европы, зашедшего к началу XX в. в тупик вследствие возобладания к этому времени в европейском ментальном и культурном пространстве параллельно шедшего процесса секуляризации, ведущего свое начало с так называемой эпохи Возрождения (в ареале преобладания классической античной традиции Южной Европы) и «Реформации» (в странах Северной Европы). «Национализм не имеет никаких христианских корней, истоки его совершенно иные, и он всегда сталкивается с христианством» (Бердяев 1994: 347). «Происходит процесс, обратный христианизации и гуманизации человеческих обществ» (Бердяев 1938: 6). «Происходит острая дегуманизация» (Бердяев 1934: 11). «Дехристианизация привела к дегуманизации, дегуманизация привела к безумию, ибо внесла повреждение в самый образ человека» (Бердяев 1994: 361).

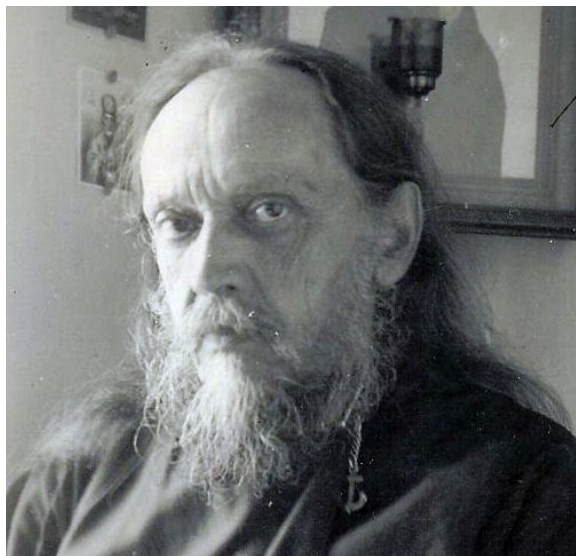
Иначе говоря, секуляризация сознания, то есть кризис веры в лежащее в основе всего сущего Личное Абсолютное Благое Бытие, имеет своим прямым следствием антропологический кризис, так как нивелирует представление о человеческой личности как об образе Божием, являющееся неотъемлемой частью христианского вероучения. «Только изнутри христианства можно понять происходящее, – пишет Н. А. Бердяев. – В современной цивилизации пошатнулась христианская идея человека... Произошло отступничество не только от идеи Бога, но и от идеи человека»; «Человек есть существо творческое, или образ Творца. Но активность,

которую требует от человека современная цивилизация, есть, в сущности, отрицание его творческой природы, ибо она есть отрицание самого человека. Творчество человека предполагает сочетание созерцания и действия. Самое различие созерцания и действия относительно. Дух существенно активен, и в созерцании есть динамический элемент. Мы приходим к последней проблеме, связанной с духовным состоянием современного мира, к *проблеме человека, как проблеме религиозной*⁹. Ибо в мире происходит кризис человека, не только кризис в человеке, но кризис самого человека. Дальнейшее существование человека становится проблематическим... Высшей ценностью является уже не человек, а социальный коллектив... Происходит отречение от ценности человека, последней ценности, уцелевшей от христианства. Мы видим это в таких социальных явлениях, как расизм, фашизм, коммунизм... Мы вступаем в эпоху цивилизации, которая отказывается от ценности человека. От верховной ценности [веры в] Бога уже отказались. В этом сущность современного кризиса» (Бердяев 1932: 67–68). Иначе говоря, главным объектом агрессии фашистской идеологии оказывается христианское понятие личности как образа Божия в человеке.

При этом, по словам Бердяева, «расовая идеология представляет собой большую степень дегуманизации, чем классовая пролетарская идеология» (Бердяев 1938: 7). «Не за каждым человеком признается человеческое достоинство, а лишь за человеком, принадлежащим к избранной расе или избранному классу. Но... детерминизм класса не абсолютный... Детерминизм же расы абсолютный, это – фатум крови...» (Бердяев 1934: 11); «С христианской точки зрения, гитлеризм более опасен, чем коммунизм, потому что коммунизм прямо и открыто борется против христианства, как враг всякой религии, гитлеризм же насильственно требует деформации христианства, изменяя самые христианские верования в угоду расовой теории и диктатуре третьего царства» (Бердяев 1994: 352)¹⁰.

Христианская антропология полагает каждого человека – вне зависимости от его социального или материального положения, интеллектуальных или физических достоинств и недостатков – потенциально святым; то есть «опорой», фундаментом устройства человеческой личности, с христианской точки зрения, является «небо», «верхняя планка» – бесконечное духовное совершенство, к которому человек призван и ради которого создан. В этом смысле христианский взгляд на сущность человеческого бытия принципиально оптимистичен, и на фоне этого, сияющего сквозь временные напластования небесного света личности частные несовершенства представляются чем-то вроде «ак-

циденций», вторичных качеств, не имеющих принципиального влияния на образ человека в целом. В нехристианской же картине бытия «фундаментом» оказывается «нижняя планка» – то есть, в конечном счете, «земной прах», как некая безусловная константа всех личностных существ и конечный финал всякого человеческого существования на земле. Маниакальное истребление людей, сопровождавшееся постоянной фотофиксацией совершенных злодеяний в неисчислимых человеческих останках, совершавшееся нацистскими режимами, представляется в этом контексте болезненной попыткой подтверждения этого безбожного «символа веры» в прах и смерть как в основу и финал всего. С психологической точки зрения это явление, вероятно, можно было бы описать как феномен «коллективного метафизического отчаяния»: «Все, что происходит сейчас в мире, – пишет уже в 1934 г. Бердяев, – родилось не из радостного творческого избытка, а из глубокого несчастья человека, из чувства безнадежного отчаяния» (Бердяев 1994: 322). Но причиной этого болезненного состояния массового сознания эпохи нацизма и этой «кризисной антропологии» являлась именно потеря Бога, веры в Него и, так сказать, «вымывания» самого образа Божия и, следовательно, «позитивной метафизики» из менталитета европейского человека, породившего феномен нацизма.

Протоиерей Сергей Четвериков

Очевидное интеллектуальное убожество и патологическая жестокость в практическом применении этой концепции прочно закрепило за ее носителями термин «новое варварство»¹¹, сугубая опасность которого в том, что теперь оно не только вооружено орудиями цивилизации, но и возникло

в период высочайшего, казалось бы, ее развития; Н. А. Бердяев поэтому дает ему определение «бестиальное»: «Современный национализм несет в себе черты бестиальной бесчеловечности»; «бестиальная жестокость к человеку... поразительна тем, что она обнаруживается на вершинах рафинированной человечности, когда новая сострадательность, казалось бы, сделала невозможными старые формы варварской жестокости... Тут атавизм варварских инстинктов преломлен в цивилизации и потому имеет патологический характер»; «современный антигуманизм принимает форму бестиализма»; «движение к сверхчеловечеству и сверхчеловеку, к сверхчеловеческим силам... означает не что иное как бестиализацию» (Бердяев 1994: 324–325).

Следует заметить при этом, что термин «варварство» по отношению к культурно-политическим и ментальным процессам, происходившим в Германии, еще в начале Первой мировой войны употребил Г. К. Честертон в своей работе 1914 г. «Варварство Берлина», написанной в качестве полемики с немецкой националистической пропагандой того времени. «Я уверен, – писал Честертон, – что под всей грудой фактов скрыта правда, причем ужасная правда – правда о душе... Она слишком всеобъемлюща, чтобы нуждаться в доказательствах, слишком неоспорима, чтобы подробности могли что-то изменить. Она... указала на источник современного европейского зла, на фонтан, яд из которого течет ко всем нациям Земли... Смысл сокрыт в двух или трех словах, являющихся по сути дела ключевыми для этой войны. Одно из них – “варвар”... Мы имеем в виду нечто, враждебное цивилизации по своей конструкции. Мы имеем в виду нечто, желающее войны с принципами, которые сделали возможным существование человеческого общества.... Эти лощенные варвары имеют абсолютно серьезную цель – разрушение определенных идей, которые, как они считают, мир перерос, но без которых, как мы считаем, мир погибнет... Мы говорим о новой и бесчеловечной нравственности... Вы можете найти это во всем, что они делают – как и во всем, что делают дикари... В прокламациях императора [Германского] утверждается, что определенные “пугающие” действия допустимы... то есть была военная необходимость в устрашении мирного населения чем-нибудь нецивилизованным, чем-то бесчеловечным» (Честертон 2017: 23–33).

Русская публицистика неизменно подчеркивает чуждость феномена нацизма русскому менталитету: «Национализм чужд подлинно русской традиции, но мессианиззм характерен для этой традиции. Весь русский XIX век полон вселенского сознания, и это вселенское сознание было характерно русским» (Бердяев 1934: 15). Под «мессианизмом» и «вселен-

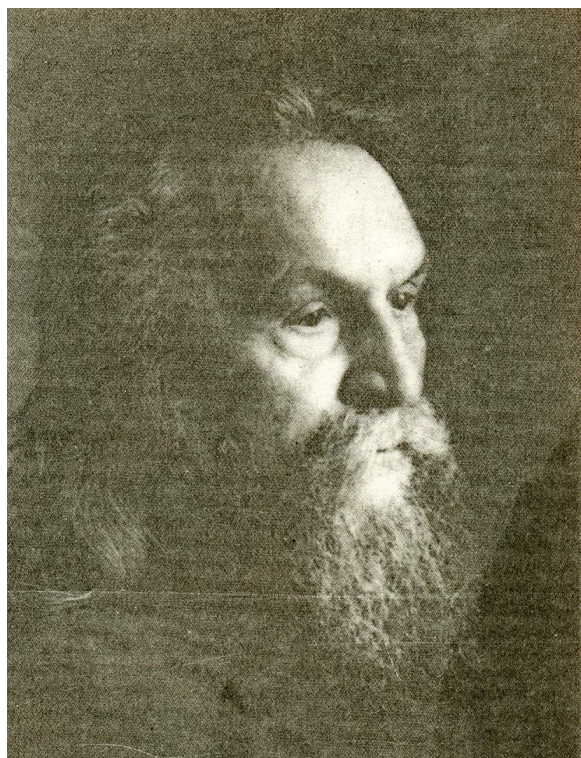
ским сознанием» русская религиозная философия понимает определение особенностей русского самосознания, сформулированное Ф. М. Достоевским и подразумевающее не только не агрессивное распространение своей «самости», но напротив – «всемирную отзывчивость» и жертвенное служение делу всеобщего спасения¹².

При этом русские мыслители указывают на неестественность и чуждость идеологии нацизма любой нормальной культуре, в том числе и культурному облику христианской Германии¹³. Так, Н. Н. Алексеев, ссылаясь на книгу Раушнинга «Революция нигилизма», пишет: «Немецкий народ в изображении Раушнинга пребывает ныне в состоянии некоторой коллективной одержимости... в котором все изменилось... все основные черты немецкого характера. В современной немецкой массе подмечаешь черты какой-то... экзатичности... маниакальности... И все это в народе, который был тяжеловат и в манерах, тих, сосредоточен, обращен во внутрь» (Алексеев 1940: 27). Бердяев пишет, что «Германия, в которой раньше был настоящий культ ученых, философов, профессоров, университетов... теперь совершенно перестала уважать ученых, философов, профессоров, университеты и готова их разгромить» (Бердяев 1994: 341). По словам Н. Н. Алексеева, нацизм породил ненависть «ко всему интеллигентному... презрение правящих сфер современной Германии ко всем духовным и интеллектуальным ценностям... Общественные группы старой Германии... были для партии теми “ничтожествами”, теми “карликами”, о которых любил говорить начальник нацистской пропаганды... Элита состоит из наиболее успешных... Элита выше доктрины...» (Алексеев 1940: 29). «Свобода науки, уважение к самостоятельности знания – традиция немецкой культуры, – пишет Н. А. Бердяев. – Эту традицию низвергает национализм современного стиля» (Бердяев 1994: 353).

У большинства авторов идеология нацизма вызывает ассоциацию с феноменом древнего **язычества** и идолопоклонства («идолатрии»): «Национальность есть культурно-исторический факт. Национализм же есть отношение к факту, есть превращение натурального факта в идола»; «Современный национализм есть одна из форм идолатрии»; «Национализм идолопоклоннически превращает национальность в верховную и абсолютную ценность, которой подчиняется вся жизнь. Народ заменяет Бога» (Бердяев 1994: 346–347). «И личный, натуральный эгоизм и национальное самоутверждение могут из относительного блага превращаться, благодаря обратной ориентации в сторону от христианства, в злое язычество... Опасно церкви и поддаться этой иллюзии и связаться в чем-либо с

этими чуждыми попутчиками» (Карташев 1934: 9–10); «Мы живем в эпоху звериного национализма, культа грубой силы, настоящего возврата к язычеству» (Бердяев 1938: 6); «абсолютный детерминизм и фатализм несоединимы с христианством, как религией свободы духа. Фатум крови принадлежит язычеству... это есть языческий натурализм» (Бердяев 1934: 11). Другой сходный термин, постоянно мелькающий в статьях русских мыслителей, посвященных данной теме, это «паганизм»: «В потрясающих формах происходит эта паганизация Германии» (Бердяев 1994: 346); «Современный национализм... означает дехристианизацию общества... паганизацию, возврат к язычеству» (Бердяев 1934: 4).

Позднее эта же аналогия прозвучит и в первом, вводном докладе Нюрнбергского процесса: «...Эти люди создали в Германии национал-социалистический деспотизм, который можно сравнить только с династиями древнего Востока... Нацисты проводили такую кампанию унижения, насилия и уничтожения, какой мир не видел с дохристианских времен» (Нюрнбергский процесс 1987: 391).

Протоиерей Сергей Булгаков

Однако налицо и отличие от «доисторических», дохристианских времен: в древнем языческом мире деспотизм, рабство и угнетение были естественным результатом доминирования материального плотского мирочувствия как «рабов», так и «господ», ре-

зультатом их духовной непросвещенности, отсутствия представления о духовной жизни личности, о ее внутреннем пространстве; тогда как тирания фашизма в XX в. носила, в сущности, ярко выраженный «исторический», «взвинченный», неестественный характер и состоялась в результате «массового психоза», искусственно смоделированного на фоне описанного крупнейшими европейскими мыслителями рубежа XIX–XX вв. (Освальд Шпенглер, Хосе Ортега-и-Гассет, Мигель де Унамуно и др.) упадка христианской духовной жизни Европы, постепенной утраты ею своей христианской идентичности и, как следствие, духовной растерянности и уныния. То есть фашизм явился результатом не отсутствия духовного просвещения, а утраты его; при всем сходстве и даже сознательных попытках возрождения фашистами германских языческих культов, он по генезису своему стал свидетельством не только не вполне изжитых в северо-восточной Европе языческих культов (хотя и это имело место быть) (см.: Бердяев 1938: 16), сколько прямым отступничеством, предательством и бунтом против христианства¹⁴. По словам С. Н. Булгакова, «после-христианское воинствующее язычество неизбежно является и антихристианским, т. е. в этом отталкивании от христианства получает особую религиозную квалификацию актуального антихристианства» (Булгаков 1991: 21). «Налицо все основные элементы антихристианства: безбожие, вытекающее из натурализма, мифа расы и крови с полной посюсторонностью религиозного сознания, демонизм национальной гордости (“честь”), отвержение христианской любви... Поэтому расизм в религиозном своем самоопределении представляет собой острейшую форму антихристианства, злее которой вообще не бывало в истории христианского мира» (Карташев 1934: 10).

Иначе говоря, русская эмигрантская публицистика указывает на некое новое качество в явлении «не-христианства» в европейской истории XX в. – его агрессивно, целенаправленно антихристианский характер и даже как бы соперничество с ним. В этом контексте и о. Сергей Булгаков, и Н. А. Бердяев одинаково оценивают то исключительное значение, которое в нацистской идеологии XX в. играл антисемитизм: это есть, писал о. Сергей в декабре 1941 г., «бессознательное соперничество с избранным народом в желании его собою заменить... Немецкий антисемитизм есть патологическая зависть к еврейству, пародия на народ Божий, расизм же есть расовая претензия» (Булгаков 1991: 23, 67). «Германский антисемитизм превращается в антихристианство» (Бердяев 1938: 4), констатирует Н. А. Бердяев летом 1938 г. в 56 выпуске журнала «Путь», а в начале 1939 г. в 58 выпуске К. В. Мочульский приводит документальное подтверждение этому: «Последнее и самое

страшное свидетельство. В журнале “Титлеровская молодежь” мы читаем: “Немецкий народ понял, что не только юдаизм, но и христианство чужды германской расе”» (Мочульский 1939: 28).

Нарочитый биологизм и даже зоологизм в определении идеологией нацизма понятий «расы» и «нации» вызывает апокалиптические ассоциации с «образом зверя», требующего себе поклонения: «Идол расизма, – пишет о. Сергей Булгаков, – ... древнего, языческого происхождения, о котором можно найти немало и в Ветхом Завете, особенно в ветхозаветном апокалипсисе – книге пророка Даниила (а также, конечно, и в новозаветном в образе Зверя, выходящего из бездны и всех покоряющего: “кто подобен зверю сему”» (Булгаков 1991: 21).

Мысль о том, что наступающее на Европу новое тогда явление фашистской идеологии и психологии есть в сущности своей «антихристово учение», – проходит красной линией через все очерки русской зарубежной публицистики этого периода. Феномен нацизма XX в. представляет собой как бы «первую редакцию» «духа антихриста» и его первую коллективную «инкарнацию». Тот факт, что нацизм высшей ценностью и своим «символом веры» провозглашает конкретную национальную самоидентичность¹⁵, позволяет говорить, что «идеологически... мы имеем... “антихриста”, приходящего “во имя свое” (Ин. 5: 43), антихристианство более законченное и действенное, нежели даже экзотика Ницше и варварское гонение большевиков... “Настоящий сын погибельный”, по апостолу Павлу, приходит “во имя свое”, он себя противопоставляет Христу и церкви Его. Это есть... соперничающее антихристианство, “лжецерковь” (получающая кличку “немецкой национальной церкви”¹⁶)» (Булгаков 1991: 22–23).

С. Н. Булгаков пишет здесь о национализме как о «пока» своего рода «коллективном антихристе». Однако в эту же линию тревожных размышлений русских публицистов вписываются, безусловно, и ставшие сверхактуальными в 1933 г. в связи с политическими событиями в Германии проблемы «фюрерства» и этатизма, тотальной власти государства, претендующего на вмешательство в личную жизнь гражданского населения страны. Журнал «Путь» откликнулся на этот новый этап сгущения тревожной политической атмосферы в Европе статьей Б. П. Вышеславцева «Проблема власти», в которой он пишет: «Власть от Бога тогда, когда начальник защищает добрых от злых, тогда он “Божий слуга”. Это нормальный и здоровый случай власти. Но существует извращение власти, когда она становится демонической и когда начальник страшен для добрых, а не для злых... Сатанизм власти, признание себя богом, отрицание служения чему-то высшему и

Борис Петрович Вышеславцев

требование всеобщего поклонения и служения себе: “падши, поклонись мне”. Вечное искушение власти состоит в абсолютизме власти, в нарушении иерархии ценностей, Божественной иерархии. И Христос восстанавливает эту иерархию Своим ответом диаволу земной власти: “Господу Богу поклоняйся и Ему Одному служи”. Только тогда власть от Бога, когда она преобразуется в сторону сверхвластного Царства Божия. Только такие цари и такие народы “принесут туда славу свою и честь свою” (Ап. 21: 24, 26) – однако не власть свою, ибо ей там нет места» (Вышеславцев 1934: 21). Национализм же, по формулировке Бердяева, «вдохновляется не волей к истине, а волей к могуществу» (Бердяев 1994: 353) – то есть, фактически, национализм поддается на второе искушение, предложенное Христу в пустыне дьяволом – искушение земной властью ради земного могущества, что означает, как искушение и формулирует, измену Богу и «переподчинение» ему, то есть «демонизм».

Понятие «демонизм», означающее богоборческий характер нацизма, одно из ключевых в русской антифашистской публицистике с начала 1930-х годов. «Современный мир снова терзает полидемонизм, от которого когда-то христианство освободило мир античный» (Бердяев 1934: 11). «В мире начало прорываться действие каких-то потусторонних сил» (Алексеев 1940: 32). «Мы видим довольно неожиданное сгущение этого антихристианского лаического¹⁷ духа в некий род язычества религи-

Николай Николаевич Алексеев

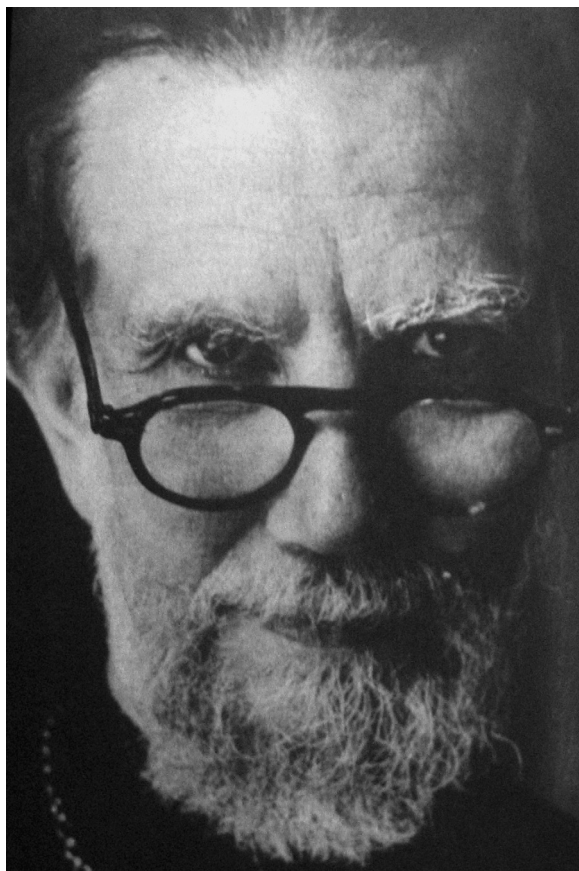
озного, – пишет А. В. Карташев, – со своего рода мистикой, полярной в отношении к христианству. Таков германский расизм с его воскрешением религии Тора, Одина и Вотана, и итальянский фашизм с его истерически искусственным идолопоклонством пред государством и Римом физическим... С этим демоническим и извращенным национализмом она [Церковь] вынуждена вести напряженную, по меньшей мере, оборонительную войну» (*Карташев* 1934: 9–10). «Германия... подпала власти... темных иррациональных сил. Она обозначила окончательный разрыв с евангельской моралью и возврат к язычеству», – говорится в редакционной статье 1939 г. (Редакционная статья 1939: 3).

Таким образом, русская религиозно-философская мысль приходит к выводу, что фашизм есть следствие дехристианизации – процесса, обратного создавшему европейскую культурно-национальную историческую идентичность, – приведшей к мировоззренческому антропологическому кризису, имевшему своим следствием возникновение психологии человеконенавистничества, предстающей в своих практических проявлениях как варварство, прикрывающейся идеологией национализма (нацизма), превращенного в род идолопоклонства (идолатрии), то есть язычества, и демонической по своему духовному содержанию.

«Демонизм» означал последовательную анти-тезу всем основным духовным критериям христианства, проявившуюся нагляднейшим образом в конечных результатах фашистской деятельности на европейском пространстве. Более того, даже те ценности, которые заявлялись как таковые и становились целью нацистской пропаганды, в результате в реальности превращались в свою противоположность. Провозглашая национальное величие, фашизм привел к варваризации и убожеству жизни нации; говоря о ценности земной жизни, он именно земную жизнь и своего, и других народов Европы превратил в небывалый еще тотальный ад. Провозглашая культ земной силы, привел к предельному материальному истощению сил человечества. Демонстрируя человеческую гордыню как движущий инструмент исторического развития, он привел к небывалому еще в европейской истории уничтожению человека как такового.

Чрезвычайно показательна в этой связи метаморфоза, произошедшая в рамках нацистской идеологии с ключевыми ее понятиями – национальное единство и национальное величие расы. Характерной особенностью фашизма на этапе захвата им власти в стране, проводившейся, как известно, внешне вполне демократическими процедурами, являлось акцентирование его пропагандой якобы «народного» характера этого движения, обращенности его к «массам» (популярным тогда понятиям); отсюда, в частности, проводившаяся на определенном этапе политического становления фашизма его внешняя солидаризация с рабочим движением и даже само название, включающее термин «социализм» («национал-социализм»)¹⁸. В статье Н. Н. Алексеева, в последнем, 61-м, выпуске журнала «Путь», говорится, что приход фашизма к власти поначалу сопровождался «профессиональными празднествами, пивопийством с танцами, деревенскими балами, провинциальными торжествами. Национал-социалистический режим культивирует трогательную патриархальность, сзади которой стоит сыщик из гестапо» (*Алексеев* 1940: 28). Таким образом, по историческому контексту своего возникновения фашизм принадлежал к народническим направлениям социально-политической европейской мысли, ведущей начало от новых историософско-теологических концепций первой трети XIX в., однако на практике он стал самым разрушительным и самым антинародным политическим явлением, наверное, за всю историю христианского летоисчисления.

Интересно в этой связи противопоставление, которое русская философская публицистика проводит между экклезиологией и секулярными социальными доктринами XX в., в частности, между церковным понятием «соборности» и его зер-

Протоиерей Георгий Флоровский

кальным отражением-антитезой в секулярном сознании, содержащейся в терминах «коммунизм», «социализм», «фашизм». Соборность определяется свойством жертвенности, жертвенной любви, секулярные же понятия означают формализацию, внешнюю организацию эгоистических индивидуальных разрозненных начал.

Конечной и ключевой ценностью церковного сознания является личность: собор складывается из личностей, без которых он не мыслим. По словам Н. А. Бердяева, «Христианство дорожит прежде всего личностью, индивидуальной человеческой душой и ее вечной судьбой, оно не допускает отношения к личности как к средству для целей общества, оно признает безусловную ценность всякой личности» (Бердяев 1932: 64). «Для христианства... всякая человеческая душа более значит и более стоит, чем вся история со своими империями, войнами, расцветами цивилизаций...» (Бердяев 1994: 320).

В секулярной же модели ключевой ценностью является «социум», в отношении которого «индивиду» суть «рабочие единицы», «наполнители» и даже, возможно, «расходный материал». По словам Бердяева, «национализм... отрицает **верховную ценность человеческой личности**»; «В коллективах

угасает личное сознание и заменяется коллективным. Мышление становится групповым, полковым. Личная совесть парализуется, заменяется совестью коллектива... меняется отношение к правде и лжи. То, что с точки зрения личного сознания и личной совести есть ложь, с точки зрения коллективного сознания... вменяется в обязанность. Требуют и от мышления... маршировать в ногу», что, по мнению философа, есть не что иное, как возрожденная склонность «к стадности», свойственная «первобытным сообществам» (Бердяев 1994: 342).

В то же время, следует отметить, что эти кризисные процессы косвенным образом способствовали новому осознанию европейским культурным сообществом ключевого значения понятия и самого феномена человеческой личности как в историческом процессе, так и в зримом нами бытии: «Именно христианам подобает защищать достоинство человека, ценность человеческого лица, всякого человеческого лица, независимо от расы, национальности, класса, положения в обществе. Именно на человека, на человеческое лицо, на свободу человеческого духа посягает со всех сторон мир» (Бердяев 1938: 17). Христианская духовность, по словам Н. А. Бердяева, «за человека и человечность, за ценность и достоинство личности, за свободу, за социальную справедливость, за братство людей и народов, за просвещение, за просветление, за творчество новой жизни, и только христианство за это» (Бердяев 1994: 362).

Другой важнейшей темой, звучащей на страницах предвоенных выпусков журнала «Путь», является тема христианского сопротивления нацизму в Европе. В 1934 г. в безымянной статье «Голоса христианской совести в Германии» отмечаются активные выступления против фашистской идеологии немецких богословов – представителей всех христианских конфессий Германии: католического кардинала Фаульхабера, кальвиниста Карла Барта, представителя «высокой церкви» (то есть «оцерковления протестантизма») Фридриха Гейлера. В дальнейшем все отчетливее звучит тема общехристианской солидарности, ярко проявившей себя перед лицом нарастания фашизма в Европе: «Со всех концов мира доходят до нас сведения о мужественных выступлениях епископов и священников, – пишет К. В. Мочульский в статье конца 1938 – начала 1939 г., – издаются многочисленные доктринальные разборы расистской теории, публикуются статьи, брошюры, листовки... Представители всех западных церквей – и католической, и англиканской, и протестантской – единодушно обличают “новое язычество”» (Мочульский 1939: 30–31).

Особое внимание К. В. Мочульский уделяет знаменитой антинацистской энциклике 1937 г.

Папы Пия XI¹⁹, «в которой он с вдохновенной силой и громадным мужеством заклеил “религию” национал-социализма. Это послание есть величайшее событие христианской истории нового времени. Без преувеличения можно сказать, что твердое, суровое и скорбное слово дряхлого старца прозвучало на весь мир и образовало тот духовный центр, вокруг которого стали объединяться христиане... Христианство вступило в борьбу – и отступление отныне невозможно... Совсем недавно (в ноябре 1938 г.) кардинал Вердье выступил в Париже против расизма и антисемитизма. В этих явлениях он усматривает прежде всего невероятное понижение культурного уровня людей... Пусть Господь сохранит нас от таких теорий и их применения!.. Останемся более чем когда-либо верны идее всеобщего братства, разумной свободы, уважения ко всему человечеству и любви к страждущим членам большой человеческой семьи. Это – истинная цивилизация, христианская цивилизация, наша цивилизация... 14 ноября 1938 г. архиепископ Кентерберийский обратился к верующим со следующими словами: Помолимся Господу, да пошлет Он нам дух силы Своей, чтобы победить духа зла, царящего ныне среди людей. И покаемся пред Ним, ибо и наша страна несет свою долю вины в этом торжестве зла на земле. Помолимся, чтобы Господь обновил веру, ревность и мужество людей Своих, чтобы Церковь Его восстала в этот час испытаний... С чувством полной ответственности отдадим всю нашу жизнь на служение Христу Богу и Царствию Его» (Мочульский 1939: 27–31).

Наконец, в работах русских философов-публицистов звучит мысль о том, что разлившееся по миру демоническое зло есть призыв к возрождению христианской миссии. «Для христианства в мире наступает новый день, – пишет Н. А. Бердяев еще в разгар грозных мировых событий. – Пробыл час, когда после страшной борьбы, после небывалой дехристианизации мира и изживания последствий этого процесса христианство предстанет в чистом виде... Современному коллективному безумию и одержимости, современному полидемонизму и идолатрии можно противопоставить лишь мобилизацию сил духа... В мире должна раскрыться... христианская духовность... Она призвет человека к царственному положению... Но для христианина этот процесс гуманизации есть не исключительно человеческий, а богочеловеческий процесс. Лишь в Богочеловечестве, лишь во Христе и в теле Христовом может быть спасен человек... Может обнаружиться новая и более сильная манифестация Духа Святого в мире» (Бердяев 1994: 362), – так завершает Николай Александрович Бердяев свою работу «Судьба человека в современном мире». «История,

как апокалипсис нашего времени, ставит нас перед лицом новых свершений, – пишет о. Сергей Булгаков, – и в чаянии новых сил, в этом смысле исторических чудес и становлений Божиих» (Булгаков 1991: 106).

Владимир Николаевич Лосский

Призыв к новому христианскому апостолату является сквозной мыслью в замечательном очерке Владимира Николаевича Лосского «Семь дней по дорогам Франции», написанном в первые дни фашистской оккупации этой страны. Отступая вместе с потоком французских беженцев из занятого немцами Парижа, как бы гонимый вместе со всеми «цунями дегуманизации», он в своем сознании, опираясь на реальность французских дорог, по которым сейчас шли беженцы, а когда-то – преемники апостолов, христианские просветители Галлии, – мысленно воспроизводит обратный процесс, – процесс гуманизации, то есть христианизации Франции: «Века правления первых франкских королей... были временем великой духовной битвы, начатой святыми во имя души Франции. Духовное пространство – благодать – росло, проникало в историческое пространство, в материальное пространство страны и преображало его изнутри... Рождалась новая Франция, та, что позже, в “песне о Роланде”, была названа “Франция, Святая”» (Лосский 1940: 16). Подобно Гомеру, рисующему битву за Троию как

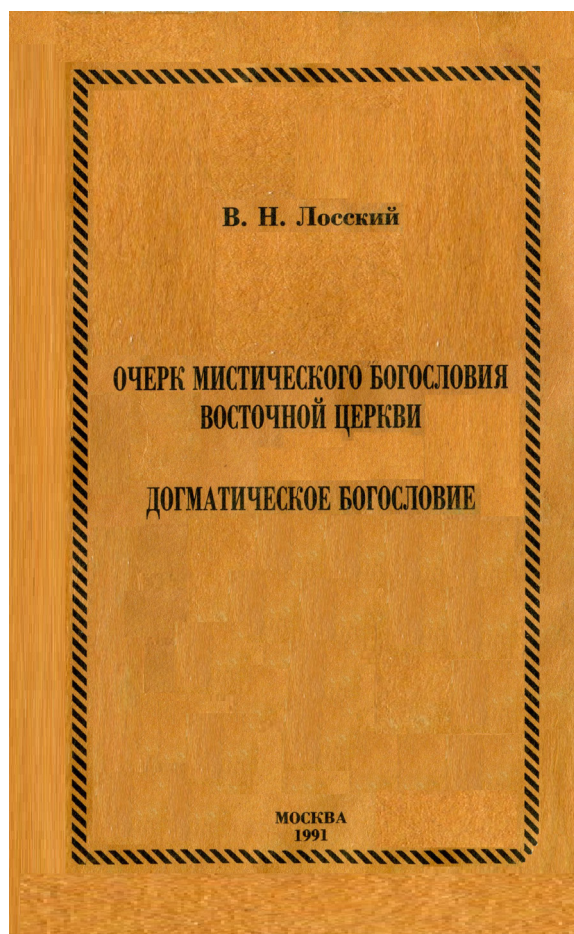
сражение невидимых простым человеческим глазом «божественных сил», В. Н. Лосский говорит, что, несмотря на видимое поражение Франции, сдавшей Париж и отказавшейся на тот момент от военного сопротивления фашизму, духовная война за Францию еще только начинается: «Война Франции не проиграна... человеческая война еще только начинается» (Лосский 1940: 6), – это война за душу Франции, «наиболее совершенным образом которой явилась Жанна д'Арк» (Лосский 1940: 7). «Только найдем ли мы этот тайный клад, это сокровище нетварных сил?.. Способны ли французские христиане найти пути духовного возрождения, совершить всеобъемлющее преображение, которое заставило бы заново забить источник живой воды для иссушенной земли ее Церкви? Этот источник не иссяк; но он течет в глубине, являясь лишь глазам простых и смиренных. Христианский народ Франции признал божественную миссию Жанны д'Арк, от которой отреклись прелаты и доктора Сорбонны... Двум детям из Ла Салет Прекрасная Дама, Та, Которая плачет²⁰, поведала о гневе своего Сына, лежащем на землях Запада, об упадке христианской веры и о миссии "Апостолов последних времен", тех, чьими руками Святой Дух заново воздвигнет Церковь, возродившуюся в страданиях... Сумеем ли мы очистить эти источники, проложить пути для новых источников, встать рядом с Апостолами последних дней?» (Лосский 1940: 16–17).

Вскоре после написания этих строк сам Владимир Николаевич Лосский начал читать в Париже цикл лекций по мистическому, а затем и догматическому богословию Православной Церкви, ставших после их издания (первое – в 1944 г.) подлинно новым апостольским посланием, апостольским свидетельством западнохристианскому миру о неповрежденном христианском предании.

Таким образом, подытоживая, мы можем констатировать, что в период возникновения и распространения фашизма в Европе русские религиозные мыслители-эмигранты и эмигрантский журнал «Путь» проделали колоссальную работу по духовному анализу этого явления, так сказать, «в режиме реального времени» и пришли к абсолютно бескомпромиссным, безапелляционным, не допускающим какого бы то ни было «коллаборационизма» выводам, несмотря на быстро сгущавшуюся внешнюю обстановку и реальную смертельную опасность для авторов. По существу, все 1930-е годы журнал «подавал сигнал "SOS"». Эта выработанная и интеллектуально выстраданная позиция в дальнейшем естественно переросла в «Движение Сопротивления» на территориях европейских стран, оккупированных фашизмом. Второе, что следует подчеркнуть, «Путь» рассматривал фашизм

не с точки зрения социологии, экономики и даже политики, но именно с духовной точки зрения и определил его как явление принципиально антихристианское и «пред-антихристово». И третьей важнейшей темой журнала в предвоенные годы была общехристианская солидарность в противостоянии этому мировому злу как залог будущей победы над силившимся подчинить себе Европу «новым демонизмом» в форме фашизма.

Это интеллектуальное движение и европейцев, и русских эмигрантов, казалось бы, было вскоре подавлено силой немецкого оружия и репрессий, и сам журнал «Путь» был закрыт сразу после оккупации Германией Франции летом 1940 г. Но внутренняя победа, внутреннее непримиримое отторжение уже совершалось духом европейской цивилизации, и оно уже несло в себе саму возможность будущей военной победы над фашизмом. Вторая мировая война, вне зависимости от приводившихся ее участниками конкретных мотиваций, была в глуби-

Обложка книги В. Н. Лосского «Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие» (М., 1991)

не своей войной не наций и государств, но войной духовной. Сформировавшемся на территории все более секуляризовавшейся Европы и сфокусировавшемся в среде, как писали русские эмигранты, «кризиса протестантизма в Германии» антихристианскому и бесчеловечному духу должна была быть противопоставлена сродная ему по природе и как минимум равновеликая контрсила – христианства и человечности. И история показала, что этой силой, несмотря на изуродовавшую ее внешне и чуждую ей атеистическую революционную власть, обладала только Россия. Не случайно в самой России, вопреки всем политическим реалиям, эта война сразу была осознана и на официальном уровне признана «Священной войной», которой был положен конец тотальным антицерковным репрессиям и которая в конце концов привела к восстановлению церковных институтов и самого Патриаршества. История переговоров об открытии второго фронта в Европе с искренним намерением его открыть и длительным откладыванием, с обидами и постоянно возникавшим напряжением в отношениях союзников по этому поводу, показывает на самом деле, что страны, желавшие это сделать, просто не могли его открыть, не имели духовных сил это сделать до того момента, пока Россия не «сломала рог зверю», не переломила ситуацию бесспорно.

Интересное свидетельство в этой связи оставил в вышеприведенном дневнике отступления из Парижа в июне 1940 г. В. Н. Лосский. Будучи русским по крови и по духовному воспитанию в православной эмигрантской среде, он, по собственному его свидетельству в цитированном нами очерке, чувствовал себя и французом, и патриотом Франции, и шел он вместе с парижскими беженцами для того, чтобы найти действующую французскую армейскую часть, которая, как он считал, должна же оказать вооруженное сопротивление немецким нацистам. Часть эту найти ему не удалось – Франция, богатая, процветающая, вооруженная, с почти равным немцам по численности войском, сдалась оккупантам почти без сопротивления, единственно потому, очевидно, что не нашла в себе духовных сил. Однако «ярость» и «отчаянная решительность», которые, как пишет Лосский, «светились» как в глазах отступавших французских военных, так и героически, стремительно бежавших из Парижа мирных жителей, многие из которых погибли в пути (и чье бегство от фашизма было, кстати, совершенно тождественно бегству русских из их столицы, Москвы, от наступавшего Наполеона в 1812 г.), позволили Лосскому увидеть, что внутренне Франция не сдалась.

Это знал и создавший за пределами оккупированной страны движение «Свободная Франция» подлинный француз генерал де Голль, который в

первые же дни нападения нацистской Германии на Россию понял, что Россия, внешне терпящая поражение и несущая страшные потери – уже побеждает, потому что имеет, несмотря на тяжелейший период своей истории, духовные силы к победе над абсолютным злом. Уже 9 августа представители де Голя поздравляли советского посла в Лондоне с «блестящим сопротивлением советских войск» (это еще в момент тотального отступления), а после победы русских под Москвой, в январе 1942 г., генерал Шарль де Голль обратился к европейцам по лондонскому радио с такими словами:

«Нет ни одного честного француза, который не приветствовал бы победу России... Конечно, не следует думать, что с военной мощью врага уже покончено. Однако нет никакого сомнения в том, что он потерпел одно из самых страшных поражений, какие когда-либо знала история... Солнце русской славы восходит к зениту. Весь мир убеждается в том, что этот 175-миллионный народ достоин называться великим... Французский народ восторженно приветствует успехи и рост сил русского народа. Ибо эти успехи приближают Францию к ее желанной цели – к свободе и отмщению... дают Франции дополнительную возможность подняться и победить....

В политическом отношении тот факт, что завтра Россия, несомненно, будет фигурировать в первом ряду победителей, дает Европе и всему миру гарантию равновесия...

Сражающаяся Франция... является естественным союзником новой России... Страдающая Франция вместе со страдающей Россией. Сражающаяся Франция вместе со сражающейся Россией. Повергнутая в отчаяние Франция вместе с Россией, сумевшей подняться из мрака бездны к солнцу величия» (Шарль де Голль 1957: 657–658).

Силу и дух сопротивления российских армии и народа фашизму оценили в первые же дни и месяцы вторжения нацистских армий на советскую территорию не только генерал де Голль, но и весь антифашистски настроенный мир – как главы правительств, так и, в особенности, народы. Свидетельства тому во множестве мы находим во всех мемуарах, написанных по свежим следам войны. Так, Уинстон Черчилль в своих воспоминаниях пишет, что Президент США Рузвельт уже «в сентябре 1941 года заявил, что русские удержат фронт и что Москва не будет взята. Замечательное мужество, – продолжает далее Черчилль, – и патриотизм русского народа подтвердили правильность этого мнения» (Черчилль 1991: 184). Здесь же он пишет, что неоспорим вывод, подтвержденный историей, что именно «сопротивление русских сломало хребет германских армий» (Черчилль 1991: 185). Всю мемуарную лите-

ратуру пронизывает мысль, что больше всего в первые два с половиной года войны на русском фронте как союзники по антигитлеровской коалиции, так и все антифашистские силы мира боялись, что Россия не выдержит и заключит сепаратный мир с Германией; пока битва «лоб в лоб» русских с фашизмом продолжалась, остальные страны могли заниматься своими колониями, войной на Средиземном море и в Тихом океане, но за Сталинградской битвой весь мир следил как за решающей общей судьбу.

Об этом общенародном, можно сказать, всемирном тогда сочувствии и сопереживании сражающейся России, с чем должны были считаться и правительства, неоднократно пишет Черчилль: «Невозможность оказания нами военной помощи России все более и более беспокоила и огорчала народ» (Черчилль 1991: 219). Ярко описывает всплеск пророссийских симпатий и сочувствия советский посол в Лондоне Иван Михайлович Майский: «Уже спустя несколько дней после нападения Германии на СССР на мое имя пришел перевод в 60 тыс. фунтов от Федерации британских горняков... в котором руководители этого знаменитого профсоюза от имени сотен тысяч своих членов выражали свое возмущение германским фашизмом и свое сочувствие советскому народу... За ним пошли другие, пошли непрерывной и все ширящейся волной от профсоюзов, от самых разнообразных организаций, учреждений, групп, отдельных лиц... Рабочие, фермеры, мелкие лавочники, интеллигенты, шоферы, грузчики, трамвайные служащие, домашние хозяйки, матросы, полисмены, школьники – все, все слали в посольство свою лепту, кто сколько мог, желая выразить тем самым свою симпатию к советскому народу и хоть немного облегчить бремя выпавших на его долю бедствий... Они не могли стоять в стороне... когда волна массовой симпатии к СССР и к страданиям его народа стояла так высоко...» (Майский 1965: 289–305). «В заключение, – писал И. М. Майский, – ...мне хочется сказать слово благодарности тем тысячам и тысячам иностранных, главным образом английских и американских, моряков, которые приняли участие в северных конвоях»; «за 15 месяцев (конвои начались после 1 октября 1941 г.) в СССР было направлено всего 283 транспорта (124 английских и 159 американских), из которых благополучно прибыли к месту назначения 219. Погибло в пути 64 судна... Надо было обладать большим мужеством, решительностью, выносливостью, чтобы пускаться в такой путь... они оказали немалую помощь нашей стране в годину бедствий и страданий, а стало быть, и делу великой исторической борьбы свободолюбивых народов против фашистских захватчиков» (Майский 1965: 288–289).

Это единение христианского мира – русского и западноевропейского в страшный момент мировой истории и дало возможность на данном историческом этапе победить мировое зло и продлить существование человечества...

Встает, однако, все-таки вопрос о том, почему именно и только Россия смогла выдержать лобовое столкновение с фашизмом²¹. И. М. Майский в документальной повести «Близко-далеко»²² цитирует слова одного из его собеседников летом 1942 г.: «Самое важное то, что русский народ не “потерял сердца”, как говорим мы, шотландцы. Это фактор огромного значения! Раз вы не “потеряли сердца” – вы выиграете» (Майский 1958: 39). Здесь, безусловно, собеседник российского посла указывал на духовный аспект победы, причем, парадоксально, залогом ее оказывается укорененное в народе чувство любви, тогда как война по природе своей есть порождение и проявление ненависти. Гилберт Кийт Честертон в выше цитированной работе так определяет свое видение России: «Русские, у которых нет ничего, кроме их веры, их полей, их огромной отваги и их самоуправляющихся общин...» (Честертон 2017: 26). Под «самоуправляющимися общинами» английский писатель понимал, очевидно, ту самую русскую «общинность», на которую уповали русские славянофилы. Однако надо понимать, что в основе феномена русской «соборности», как иначе определяли славянофилы суть русской духовности, – лежит не «общинно-родовой строй», что есть как раз уровень «варварского самоощущения» (и на что, кстати, по невежеству пытались опереться и нацистские идеологи), но духовное церковное единение, которое воспитано было в русском народе тысячелетием пребывания в лоне Православной Церкви. Русская народная община XIX в. есть, в сущности, местный церковный приход, то есть «элементарная» структура Поместной Церкви. Погруженный в живое церковное Предание, в прямо идущий, без перерыва, от апостольских времен живой духовный поток, передаваемый прежде всего не из книг, а «из рук в руки», русский народ имел, несмотря и даже вопреки всем внешним и внутренним политическим перипетиям, «духовный метафизический оптимизм» – не только уверенность, веру, но и погруженность в, так сказать, «метафизику Любви», сотворившей мироздание.

При этом надо заметить, что именно метафизический кризис западноевропейской культуры, совершившийся на изломе XVIII–XIX вв. и проявивший себя уже в ужасах так называемой Великой французской революции, и привел в конце концов к общемировоззренческому кризису, о котором писали крупнейшие умы Западной Европы начала XX в., к кризису, породившему фашизм. Русская

интеллигенция, со времен Петровской культурной реформы в России пошедшая путями западноевропейской культуры, занесла «бацилл дегуманизации» в свое отечество, что привело, так же, как и в Европе, к революционному потрясению. Однако на рубеже XIX–XX вв. в русской интеллигенции наметился и совершился в конце концов поворот обратно к «метафизическому мировоззрению», о чем многократно писал Н. А. Бердяев, в частности в одной из статей, опубликованных в журнале «Путь», посвященной 10-летию юбилею этого издания: «В то время, как в Западной Европе еще господствовали позитивизм и неокантианство, в России обнаружился поворот к метафизике, к онтологическому направлению... Русская философская мысль осознала себя существенно онтологической... Была создана религиозная философия, как оригинальное порождение русского духа» (Бердяев 1935а: 14). Многие из русских религиозных философов XX в. пришли к вере от увлечения социалистическими идеями и даже прямо марксизмом, в том числе сам Бердяев, будущий отец Сергей Булгаков, Л. А. Тихомиров и др.

Одним из представителей так называемого рус-

ского религиозного ренессанса начала XX в., вплотную занимавшимся проблемой восстановления в европейском сознании единой христианской картины мира, «христианской метафизики», был о. Павел Флоренский. Для достижения поставленной им цели требовалось свести в непротиворечивое целое христианский макрокосм с новейшей естественнонаучной картиной мира. Этой задаче была посвящена, в частности, одна из его работ, выполненная в годы обучения на физико-математическом факультете Московского университета, опубликованная о. Павлом позже, в 1922 г., под названием «Мнимости геометрии», в которой он доказывает соответствие картины мира, выведенной Данте в его «Божественной комедии», новейшим естественнонаучным представлениям о структуре мирового пространства. По парадигме Дантовой картины мира о. Павел в 1910-е годы построил защищенную им в Московской духовной академии диссертацию «Столп и утверждение истины»²³.

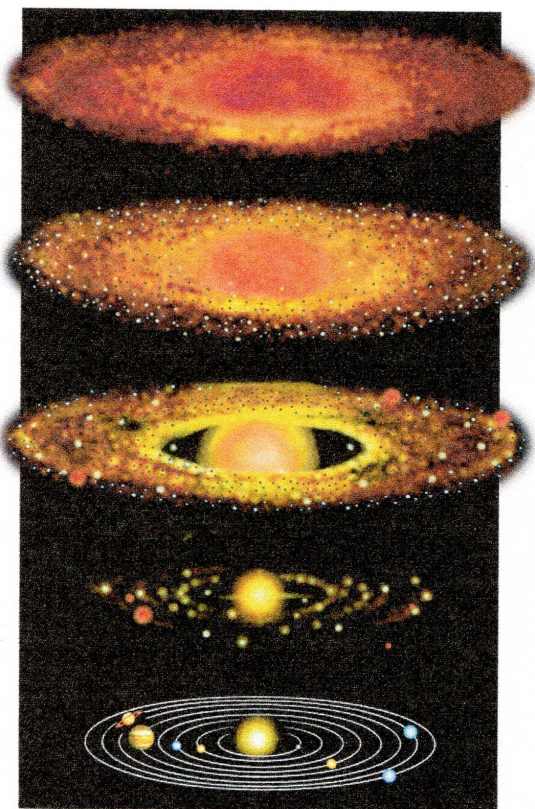
Тема живого, актуального присутствия Высшего Судии в мировом универсуме и реальном историческом процессе является еще одной сквозной темой антифашистской религиозно-богословской публи-

Иллюстрация из книги: Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского; изд. подгот. И. Н. Голенищев-Кутузов; примеч.

И. Н. Голенищева-Кутузова и М. Л. Лозинского.

М.: Наука, 1967. Вклейка, с. 432

Модель эволюции протопланетного диска с образованием планет Солнечной системы из гигантского межзвездного молекулярного облака.
Источник: *Инатов 2024: 63*

«Дни творения». Мозаика. XII в. Собор в Монреале (Сицилия). Источник: *Иларион (Алфеев), митрополит. Православие. В 2 т. Т. 1. – 4-е изд. М.: Издательский дом «Познание», 2021. С. 476*

цистики русского зарубежья 1930-х годов. Протоиерей Сергей Четвериков в отзыве на труд Бердяева «Судьба человека в современном мире» пишет: «не умаляя и не скрывая от себя той ужасной правды, которую Вы показали и которая, может быть, действительно, уже предупреждает нас о грядущем царстве антихриста, мы не смутимся от этого духом, ибо мы верим, что среди нас еще жив Бог, существует Его Святая Церковь, а в Ней имеется Его Святой Животворящий Крест и совершаются святые и спасительные Тайны Тела и Крови Христовых, этот источник Жизни и Радости» (*Четвериков С., прот. 1935: 30*). «Мы верим, что мы не одни, – писал Н. А. Бердяев, – что в мире действуют не только природные человеческие силы, добрые и злые, но и сверхприродные, сверхчеловеческие, благодатные силы, помогающие тем, которые делают дело Христово в мире; действует Бог. Когда мы говорим “христианство”, мы говорим не только о человеке и о его вере, но и о Боге, и о Христе» (*Бердяев 1932: 65*).

Возвращая в европейскую культуру христианскую картину мироздания в ее обновленной, скоррелированной с новейшими научными данными

форме²⁴, русская религиозная и научная мысль тем самым напоминает о том, что в мире есть Хозяин, о котором многократно говорится в Евангельских притчах об отлучившемся Хозяине дома²⁵, Который, вернувшись, рассудит своих слуг в том, следовали ли они Его воле (то есть заповедям Декалога и Нагорной проповеди) в Его отсутствие: того, кто, оставшись без присмотра, «начнет бить слуг и служанок», – «рассечет и подвергнет одной участи с неверными» (Лк. 12: 45–46). Следует заметить также, что окончание процитированной притчи служит некоторым объяснением трагедии многих «жертв фашистской идеологии» XX в., не из ее идеологов и исполнителей, но народных масс, подпавших под ее влияние: «Раб же тот, который знал волю господина своего и не был готов и не делал по воле его, бит будет много. А который не знал и сделал достойное наказания, бит будет меньше» (Лк. 12: 47–48). Народы Европы в начале XX в. находились под таким давлением процесса секуляризации и настолько были подвержены кризису мировоззренческих процессов, начавшихся еще в эпоху «Ренессанса» (то есть по сути возрождения древнего язычества)

и Реформации (то есть отступления от чистоты веры), что многие уже, действительно, «не знали» и не имели веры. Однако показательно, что великий своим «нравственным императивом» Иммануил Кант, чьи остроумные «Прологомены ко всякой будущей метафизике» оказали столь роковое влияние на весь последующий ход развития европейской философской мысли, свидетельствовал о себе, что

верить в Бога его побуждает не только «нравственный закон в себе», но и «звездное небо над головой»²⁶ – следовательно – все-таки христианская метафизика. Иначе говоря, и Кант продолжал видеть небо глазами Данте, завершающего свою духовную эпопею указанием на Державу всего: «Любовь, что движет солнце и светила»²⁷ (Данте 1968: 464).

Примечания

¹ Гейзенберг 1990: 265.

² Бердяев 1938: 17.

³ Лосский 1940: 2.

⁴ «Главное, кто здесь хозяин – в этом все дело»» (Lewis Carroll «Through the Looking Glass»).

⁵ Сходные мотивы звучали еще в начале Первой мировой войны, например, у Г. К. Честертона: «Если мы еще не сошли с ума, то мы присутствуем при самой умопомрачительной главе истории» (Честертон 2017: 17).

⁶ Здесь и далее разбивка источника.

⁷ «Индустрия» истребления слабых фашистами описана, в частности, в последнем академическом издании «Всемирной истории»: «Нацисты приступили к осуществлению планов эвтаназии – умерщвления людей по медицинским показаниям. Круг жертв составляли тяжелые инвалиды, психически больные, слабоумные, а также люди с наследственными заболеваниями... Через два месяца всем ответственным сотрудникам секретно “сообщили”, что акция... будет “продолжаться в измененной форме”. Под “изменениями” подразумевалось... вернуться к практике “нормальных убийств”, т. е. к умерщвлению уколами и голодом, которые стали применять и к другим социальным группам, нежелательным с расовой или политической точки зрения... И каждый раз фашисты оправдывали эти чудовищные меры высокими целями “очищения расы” или “гуманной заботой” о жертвах, чтобы они “не испытывали лишних мучений”. Историки подсчитали, что “терапевтическим убийствам” подверглось около 150 тыс. человек» (Всемирная история 2019: 30–42).

⁸ В действительности за этим явлением стояла «истерия безверия» – страх слабости и болезни как намек на неминуемую смертность и желание спрятаться от нее в «культе физической силы» как в мнимом спасении от нее – мнимой ее антитезе. О феномене героизации морально недопустимого как новом явлении в европейском пространстве начала XX в. писал Честертон: «Невозможно защитить... обнажение меча на человека, мечом не обладающего... Нигде, кроме опруссаченной Германии, нет представления, по которому подобное может сочетаться с честью» (Честертон 2017: 35).

⁹ Курсив наш.

¹⁰ Наглядное осознание этого факта (в поддержку естественному патриотизму), несомненно, способствовало тому, что русская белая эмиграция в большинстве своем, отодвинув на второй план политические разногласия, не поддержала (начиная с А. И. Деникина) власовское движение и переживала за победы своей Родины во Второй мировой войне; более того, непосредственно в послевоенные годы в русской эмигрантской среде, пережившей реальный фашизм, возникло стремление вернуться домой, многими осуществленное.

¹¹ Ср., например: «Блокада одного из крупнейших городов СССР не являлась “побочным продуктом” боевых действий. Это была часть целенаправленной политики по приданию войне “варварского характера”»; «Постоянно призывая к беспощадности в “большой войне рас”, берлинские лидеры прекрасно понимали, что нарушают все моральные нормы. Судя по их личным дневникам, они делали это осознанно... Бывший посол Германии в Италии У. фон Хассель писал в те дни: “Война на Востоке ужасна, всеобщее одичание”». (Всемирная история 2019: 32, 36).

¹² См., например: «Дневник писателя» за 1873 г. // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. Т. 10. СПб., 1895. С. 226.

¹³ Эту точку зрения разделяло большинство сражавшегося против фашизма русского народа. По словам маршала В. И. Чуйкова: «Народ не мог отвечать за злодеяния своих правителей. Это народ и нация, сделавшие значительный вклад в человеческую цивилизацию» (Чуйков 1973: 49–50).

¹⁴ Несмотря на внешне проводившуюся в довоенное время фашистской Германией политику «конкордата» с официальными церковными структурами, существовали откровенно антицерковные и антихристианские секретные декреты «по вопросу отношений между христианством и национал-социализмом» (См.: Нюрнбергский процесс 1987: 409–411).

¹⁵ Вот, например, формулировка этого «символа»: «Сила нашего германского солдата и всего нашего не-

мецкого народа зиждется на вере, она – в его сердце и убеждении, что мы как раса и народная общность – ценнее всех других. Это, господа, фундаментальная предпосылка нашего исторического существования» (цит. по: Бровко 2009: 258).

¹⁶ Имеется в виду организация «Немецкие христиане», возникшая в Германии в 1932 г. с целью подчинения немецких верующих политике и идеологии фашистского государства (см: Бровко 2009: 261).

¹⁷ То есть народного, профанного.

¹⁸ Ср.: «Весьма существенная черта фаш. идеологии – стремление выступать под чужим флагом с целью маскировки своего истинного содержания. Этой цели служила, в частности, спекуляция фашизма на популярности идей социализма в массах» (Историческая энциклопедия 1973: 972–974).

¹⁹ Энциклика «Mit brennender Sorge» от 14 марта 1937 г.

²⁰ Имеется в виду явление Богородицы в Ла-Салетт в 1846 г.

²¹ Отец Сергей Булгаков писал в конце 1941 – начале 1942 г.: «Провидению было угодно, чтобы судьбы мира и нашей родины были связаны с этим столкновением большевизма, под звериным ликом которого скрыта Россия, с германским империализмом... Допустить же победу этого последнего означало бы... внутреннюю победу антихристианства в Германии, а далее и вне ее» (Булгаков 1991: 65).

²² Интересно, что И. М. Майский, описывая в этой книге свое посещение Иерусалима по пути из Лондона в Москву в 1943 г., в завуалированной соответственно тогдашним советским цензурным условиям форме фактически дает совет политикам опираться на христианство как на государствообразующую силу – опыт, вынесенный им за годы одиннадцатилетней дипломатической службы. Он пишет: «У Константина имелись соправители, двадцать лет он вел войну за власть. Почему он победил? Конечно, известную роль тут сыграли личные таланты Константина, но главное все-таки было не в этом. Главное было в христианах! Константин очень скоро заметил, что в тогдашней Римской империи есть только одна сила, которая способна вдохновлять людей на подвиг и служить цементом, связывающим воедино разрозненные части империи – христианство. И он решил опереться на христиан... Константин приказал нарисовать на своих знаменах крест. Это так вдохновило христиан – в войсках Константина их было очень много – что в тот же день Максенций был наголову разбит... Именно покровительство христианству принесло Константину торжество... Константину нужно было укрепить завоеванную власть и как-то объединить распавшиеся части империи... Перенеся столицу из Рима в Византию, он основал Константинополь и возложил свои главные надежды на восточную половину империи, где христиане были особенно сильны» (Майский 1958: 81–82), и где, добавим, оправдывая надежды св. Константина Великого, Римская христианизированная империя просуществовала тысячу лет. Особенно примечателен этот практический вывод опытного дипломата, если учесть, что сам Майский принадлежал к еще дореволюционной (то есть «революционной») российской эмиграции и был одним из старейших партийных деятелей.

²³ См.: Энеева 2008.

²⁴ См., например, диссертацию священника, академика РАН Сергея Владимировича Кривовичева «Теологические институты в естественных науках: история и современность» (СПб., 2021).

²⁵ Мф. 10: 25; 20: 11; 13: 52; 20: 1; 21: 33–40; 24: 43. Мк. 12: 9; 13: 35; 14: 14. Лк. 12: 39; 13: 25; 14: 21; 22: 11.

²⁶ «...звездное небо над головой и моральный закон во мне...» (Кант 1965: 499).

²⁷ И поэтому, «хотя война продолжается, а народы проходят чистилище чудовищной бойни, история мира все равно должна завершиться добром» (Честертон 2017: 131).

Источники и материалы

Алексеев 1940 – Алексеев Н. Н. Демонократия // Путь. № 61, октябрь 1939 – март 1940. С. 26–32.

Бердяев 1932 – Бердяев Н. А. Духовное состояние современного мира // Путь. № 35, сентябрь 1932 г. С. 56–68.

Бердяев 1934 – Бердяев Н. А. Многобожие и национализм // Путь. № 43, апрель–июнь 1934 г. С. 3–16.

Бердяев 1935 – Бердяев Н. А. О христианском пессимизме и оптимизме (По поводу письма протоиерея Сергея Четверикова) // Путь. № 46, январь–март 1935 г. С. 31–36.

Бердяев 1935а – Бердяев Н. А. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» (К десятилетию «Пути») // Путь. № 49, октябрь–декабрь 1935 г. С. 3–22.

Бердяев 1938 – Бердяев Н. А. Христианство и антисемитизм (религиозная судьба еврейства) // Путь. № 56, май–июль 1938 г. С. 3–18.

Бердяев 1994 – Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире (к пониманию нашей эпохи) // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М., 1994.

Булгаков 1991 – Булгаков С. Н. Расизм и христианство // Протоиерей Сергей Булгаков. Христианство и еврейский вопрос. Paris: YMCA-Press, 1991 // Портал «Азбука веры». Раздел «Православная библиотека». <https://azbyka.ru/otechnik/books/download/30868-Христианство-и-еврейский-вопрос.pdf>

- Вышеславцев 1934 – Вышеславцев Б. П. Проблема власти и ее религиозный смысл // Путь. № 42, январь–март 1934 г. С. 3–21.
- Гейзенберг 1990 – Гейзенберг Вернер. Часть и целое // Вернер Гейзенберг. Физика и философия. Часть и целое. М., 1990.
- Данте 1967 – Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского; изд. подгот. И. Н. Голенищев-Кутузов; примеч. И. Н. Голенищева-Кутузова и М. Л. Лозинского. М.: Наука, 1967. (Литературные памятники / АН СССР)
- Кант 1965 – Кант И. Критика практического разума // Иммануил Кант. Сочинения. Т. 4. Ч. 1. М., 1965.
- Карташев 1934 – Карташев А. В. Церковь и национальность // Путь. № 44, июль–сентябрь 1934 г. С. 3–14.
- Лосский 1940 – Профессор Владимир Николаевич Лосский. Семь дней на дорогах Франции. СПб.: Духовное наследие, 2014 // Портал «Азбука веры». Раздел «Православная библиотека». https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Losskij/sem-dnej-na-dorogah-frantsii/#source
- Майский 1958 – Майский И. М. Близо-далеко. М., 1958.
- Майский 1965 – Майский И. М. Воспоминания советского посла. Война. М., 1965.
- Мочульский 1939 – Мочульский К. В. Расизм и западное христианство // Путь. № 58, ноябрь 1938 – январь 1939 г. С. 26–35.
- Нюрнбергский процесс 1987 – Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 т. Т. I. М., 1987.
- Редакционная статья 1939 – Решительный час исторической судьбы // Путь. № 60, май – сентябрь 1939 г. С. 3.
- Флоровский Г., прот. 1934 – Флоровский Г., прот. О границах Церкви // Путь. № 44, июль–сентябрь 1934 г. С. 15–26.
- Черчилль 1991 – Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. Т. 2. М., 1991.
- Честертон 2017 – Честертон Г. К. Варварство Берлина // Честертон Г. К. Краткая история Англии и др. произведения 1914–1917: эссе. М., 2017.
- Четвериков С., прот. 1935 – Четвериков С., прот. Открытое письмо Н. А. Бердяеву по поводу его книги «Судьба человека в современном мире» // Путь. № 46, январь–март 1935 г. С. 28–30.
- Чуйков 1973 – Чуйков В. И. Конец третьего рейха. М., 1973.
- Шарль де Голль 1957 – Шарль де Голль. Военные мемуары. М., 1957.

Научная литература

- Бровко Л. Н. Церковь и Третий Рейх. СПб., 2009.
- Всемирная история. В 6 т. Т. 6. Кн. 2. М., 2019.
- Гейзенберг Вернер. Физика и философия. Часть и целое. М., 1990.
- Ипатов С. И. Вклад Т. М. Энеева в планетную космогонию // Земля и Вселенная. 2024. № 5. С. 60–66.
- Историческая энциклопедия. Т. IX. М., 1973.
- Кривовичев С. В., прот. Теологические институты в естественных науках: история и современность. СПб., 2021.
- Энеева Н. Т. Топология духовного пространства личности в концепции отца Павла Флоренского // К концепции человеческой личности в богословии и религиозном сознании Нового и Новейшего времени. М.: ИВИ РАН, 2008.

References

- Brovko, L. N. 2009. *Tserkov' i Tretii Reikh* [The Church and the Third Reich]. Saint Petersburg.
- Vsemirnaya istoriya. V shesti tomakh [World History. In Six Volumes]. 2019. Vol. 6. Bk. 2. Moscow.
- Geizenberg, Verner. 1990. *Fizika i filosofiya. Chast' i tseloe* [Physics and Philosophy. Part and Whole]. Moscow.
- Ipatov, S. I. 2024. Vklad T. M. Eneeva v planetnyuyu kosmogoniyu [T. M. Eneev's Contribution to Planetary Cosmogony]. *Zemlya i Vselennaya* 5.
- Istoricheskaya entsiklopediya [Historical Encyclopedia]. 1973. Vol. IX. Moscow.
- Krivovichev, S. V., archpriest. 2021. *Teologicheskie institutsii v estestvennykh naukakh: istoriya i sovremennost'* [Theological Institutions in the Natural Sciences: History and Modernity]. Saint Petersburg.
- Eneeva, N. T. 2008. Topologiya dukhovnogo prostranstva lichnosti v kontseptsii ottsa Pavla Florenskogo [Topology of the Spiritual Space of the Individual in the Concept of Father Pavel Florensky]. In *K kontseptsii chelovecheskoi lichnosti v bogoslovii i religioznom soznanii Novogo i Noveishego vremeni* [Towards the Concept of the Human Individual in the Theology and Religious Consciousness of the Modern and Contemporary Times]. Moscow: IVI RAN.

RUSSIAN RELIGIOUS-THEOLOGICAL AND SCIENTIFIC THOUGHT
IN THE CONFRONTATION WITH FASCISM (BASED ON THE PAGES OF RUSSIAN EMIGRANTS'
JOURNALISTICS OF THE 1930s – EARLY 1940s)

Abstract. The article analyzes the reaction of Russian emigre religious-philosophical journalism of the 1930s to the expansion of Nazi ideology into the political life and social mentality of Western European countries that took place in those years. It notes the categorical irreconcilability of the attitude of Russian religious emigre thinkers to fascism, as well as their unanimous indication of the processes of de-Christianization and dehumanization of Western European culture of the New and Modern Times as the underlying cause of this terrible phenomenon. The unity of the Christian world represented by representatives of all its confessions in the confrontation with Nazism and fascism, which is emphasized by the Russian émigré press, is emphasized. A conclusion is made about the contribution of Russian foreign religious thinkers to the post-war Christian revival and the enduring significance of their spiritual experience, both for the present and for the future history of mankind.

Keywords: Russian émigré world, religious and philosophical journalism, racism, Nazism, fascism, dehumanization, de-Christianization, Christian anthropology.

Authors Info: Eneeva, Natalia T. – Ph. D. in History of Arts, Researcher, Center for the Study of the History of Religion and the Church of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), E-mail: eneeva-nt@yandex.ru

For citation: Eneeva, N. T. 2025. Russian religious-theological and scientific thought in the confrontation with fascism (based on the pages of Russian emigrants' journalistics of the 1930s – early 1940s). *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 42: 32–51

